

Мы не можем в настоящее время при решении этого вопроса следовать за односторонним «фонетизмом» младограмматической школы. Развитие литературного языка знает много случаев обратного воздействия письменной нормы на норму произносительную.²⁹ С таким же воздействием мы сталкиваемся и в поэзии.

То же относится и к рифмам заударных гласных в русской поэзии XVIII в. (а : о, е : и, -ье : ъя): запрещение было ориентировано прежде всего на орфографический облик слова. Строгость в этом вопросе вполне соответствовала требованиям классицизма; возможно, что французское понимание такой рифмы также сыграло при этом известную роль. Разумеется, это совсем не значит, что вся система русской рифмы в XVIII в. была орфографическая: ударные а : я, у : ю и т. д. давно были признаны эквивалентными, как и звонкие и глухие согласные, нейтрализованные на конце слова. Узуальная норма и здесь, как всегда, устанавливается в рамках определенным образом ограниченной традиции. Не исключается, что богослужение, проповедь, чтение церковных книг могли со своей стороны содействовать закреплению этой орфографически ориентированной нормы, даже если не существовало той декламации высокого стиля на о, которую постулировал Б. В. Томашевский.

В свое время я отметил еще одно обстоятельство: графическое различие заударных -о и -а для человека грамотного способно приобретать значение морфологического признака рода, падежа и т. п. (например: слово — слова, здорово — здорова, манило — манила и т. п.); вследствие этого, несмотря на одинаковое произношение, может сохраняться сознание потенциального несоответствия словоформ, которое, согласно наблюдениям акад. Л. В. Щербы, актуализируется при «прояснении» произношения.³⁰

В своей статье о русской рифме, последней по времени в ряду перечисленных,³¹ Р. О. Якобсон также придает решающее значение этой семантике окончаний, обосновывая ее с фонологической точки зрения. При этом он выступает против теории Томашевского, но также против влияния орфографии на рифму. В запрете на рифмы типа *послушна : равнодушно* (Пушкин) он считает решающим фактором «вовсе не графический образ и отнюдь не грамотность человека», а различие этих форм под ударением в словах типа *темна́: темно́*. «Для членов русского языкового коллектива этот безударный субститут в окончании женского рода остается связан

²⁹ Ср.: В. Жирмунский. 1) Немецкая диалектология. М.—Л., 1956, стр. 30—31; 2) История немецкого языка. Изд. 5-е. М., 1965, стр. 73—74.

³⁰ В. Жирмунский. Рифма, стр. 109, 154—155. Ср.: Л. В. Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912, стр. 96.

³¹ См.: Roman Jakobson. Studies in Russian phonology. I. Toward a linguistic analysis of Russian rhyme. — «Michigan Slavic Materials», № 1, The University of Michigan, б. г., стр. 1—13.